

ГЕРОНТОСОФИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

(к постановке вопроса)

В художественном мире Ф.М. Достоевского пристальное внимание уделяется образам стариков. Данные персонажи в произведениях писателя частотны и разнообразны: Макар Деушкин («Бедные люди»), князь К. («Дядюшкин сон»), старик Смит, Николай Сергеевич Ихменев («Униженные и оскорбленные»), Фома Фомич Опискин («Село Степанчиково и его обитатели»), Степан Трофимович Верховенский, старец Тихон («Бесы»), старый князь Сокольский («Подросток»), Федор Павлович Карамазов, старец Зосима («Братья Карамазовы»), старуха-процентщица Алёна Ивановна («Преступление и наказание»), девяностолетний старец Великий Инквизитор и др. Художественное осмысление феномена старости является одним из способов разгадки главной для Достоевского «тайны» – тайны человека.

Размышление о старости как особом периоде человеческой жизни относится к разряду вечных тем. Философское осмысление старости заложено в трудах Платона и Аристотеля, Цицерона, Сенеки; в новейшей философии – в работах А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. В русской философии к этой теме обращались мыслители рубежа XIX–XX вв.: Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский и др. В настоящее время наблюдается новый всплеск интереса к этой проблеме, связанный с публикацией статей К.Г. Пигрова, выдвинувшего идею конструирования геронтоσοφии как философской дисциплины. В достоевсковедении геронтоσοφские образы и метафизика старости в достоевсковедении не являлись предметом специального изучения.

Старость – заключительный этап жизни, который может оцениваться как предвестник конечности земного существования или как подготовка к приобщению к вечному. Близость смерти делает старость метафизическим актом человеческого бытия. Мироощущение стареющего человека и модель его старости во многом зависят от принятия человеком своего возраста и отношения к смерти. Феномен старости – в её внутренней противоречивости. Вступая в этот возраст, человек обретает духовную зрелость и особый взгляд на мир, ему открывается понимание сущностной природы вещей и явлений. Но вместе с полнотой духовной жизни человек ощущает оскудение физических сил, что рождает противоречия в восприятии данного возраста.

С одной стороны, старость расценивается как закат жизни, неполноценное состояние. Такое восприятие обусловлено, в первую очередь, физиологическими изменениями, происходящими с телом человека, угасанием отдельных функций организма, болезнями, истощением сил. Биологический процесс старения неотвратим и протекает независимо от сознания человека. Однако осмысление этого процесса происходит субъективно. Если человек не способен выйти за рамки

собственной телесности, то старость переживается трагически, ибо она – предшественник неотвратимой смерти. Таким образом, старость по отношению к другим возрастным периодам становится жизненным отрезком, который человек проживает с ощущением собственной обреченности.

К.Г. Пигров в статье «Экзистенциальный смысл старости» иначе расставляет акценты в парадигме возрастных периодов: «Юность и зрелость – это всего лишь подготовка к старости. Старость в явлении это нисходящее движение человеческой жизни, но по сути своей есть восходящее движение к мистическому отождествлению с мировым целым, с Абсолютом, с Богом» [Пигров, 2002: 6]. Старость понимается как возраст, позволяющий человеку ощутить максимальную полноту бытия перед прикосновением к вечному. Это период завершения духовного взросления человека, осмысления накопленного жизненного опыта. Это время, когда можно посмотреть на прожитые годы целостно, в контексте всего пройденного жизненного пути. Старик, принявший свой возраст, освобождается от низкого страха смерти, обретает мудрость и проживает финальный отрезок жизненного пути в ожидании таинства преобразования.

Таким образом, намечается два жизненных сценария старости: «настоящая, удавшаяся старость», дарующая душевный покой и мудрость, и «неудавшаяся, несостоявшаяся старость», которая проявляется в трагическом разладе с миром, окружающими и самим собой. Реализация того или иного сценария старости в судьбе конкретного человека определена его духовными устремлениями: к земному или к божественному в этот период тяготеет его душа? Жаждущая земных удовольствий чувственная душа старика провоцирует конфликт со слабым телом, основанный на противоречии желаемого и возможного, и не позволяет человеку принять свой возраст. Напротив, гармоничные отношения старика с миром демонстрируют торжество разумной души над яростной, чувственной.

В геронтософских образах Ф.М. Достоевского просматриваются разные модели поведения персонажей. На страницах его произведений можно встретить как «настоящих стариков», так и «стариков-симулякров», охваченных земными страстями. Так Ф.Ф. Опискин в романе «Село Степанчиково и его обитатели» жаждет поклонения со стороны окружающих. Эта страсть и уязвленное самолюбие униженного человека превращают его в домашнего тирана. Некогда игравший роль шута при генерале, Фома Фомич после его смерти превращает обитателей Степанчиково в актеров, берет на себя функции «режиссера» этого театра.

Старик Смит («Униженные и оскорбленные»), не желающий простить собственную дочь, умирает так и не найдя душевного покоя. С собой он уносит земной грех – гордыню. В образе Смита Ф.М. Достоевский пунктиром намечает возможную судьбу Н.С. Ихменева, однако Ихменеву в финале романа удастся смирить в себе земные страсти и простить дочь Наташу.

Остро переживает ощущение ускользающей жизни князь К. Он не желает принять свой возраст, поэтому «все средства употреблены, чтобы застыть в этой мумии в юношу». Охваченный страхом телесной старости и смерти князь К. тщательно маскирует истинную внешность и всеми силами старается продлить своё земное существование. Повествователь замечает, что в князе «бессознательно, в виде какого-то неясного воспоминания» сохранилось «что-нибудь от прежней, франтовской его жизни». Вместе с юношескими воспоминаниями герой сохранил и юношеское восприятие жизни, характерное увлечение прекрасным полом. Всё это вместе с комплексом масок поддерживает в нём тление жизни. Как только маски сорваны, князь умирает.

Другая, «настоящая старость» представлена в образе старца Зосимы. Он не переживает телесную старость трагически: «худощавый, бледный, немного сгорбленный, он отличался, однако, неиссякаемой жизнерадостностью. У него была реденькая бородка и небольшие, живые, добрые пронизательные глаза». Зосима принимает новый этап своего жизненного пути, поэтому ему доступно и глубинное, «духовное проживание» старости.

Таким образом, поведенческая модель рассмотренных героев Достоевского позволяет увидеть принадлежность их к разным типам: «настоящих стариков», понимающих метафизический смысл старости, и «стариков-симулякров», не обремененных этой рефлексией.

Библиографический список

1. Пигров, К.Г. Экзистенциальный смысл старости / К.Г. Пигров // Философия старости: геронтология. – СПб., 2002. – Вып. №24. – С.3–6.
2. Рыбакова, Н. Феномен старости / Н.А. Рыбакова. – Москва; Псков: ПОИПКРО, 2000. – 169 с.
3. Шор, Ю.М. Ожидание старости как пограничная ситуация // Философия старости: геронтология. – СПб., 2002. – Вып. № 24. – С.30–32.